

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Ведь только глупость
односторонняя,
а истину можно
повернуть любой гранью!*

В. Брюсов

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
ТАТЬЯНА АЛЬБРЕХТ

БЕРДЯЕВ
ГЕРЦЕН
АКСАКОВ
БРЮСОВ
РОЗАНОВ
ВОПОШИН
ЕСЕНИН
МАЯКОВСКИЙ

Мечтателей кумир

Запад глазами русских классиков

Культурный слой

Коллектив авторов

**Мечтателей кумир. Запад
глазами русских классиков**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Коллектив авторов

Мечтателей кумир. Запад глазами русских классиков / Коллектив авторов — «Алисторус», 2022 — (Культурный слой)

ISBN 978-5-00180-645-5

Со времен Петра Великого Запад всегда интересовал Россию и был предметом размышлений, осмысления, восхищения, отрицания наших литераторов, философов, общественных деятелей. Нельзя сказать, что Европа в этом деле отвечала России взаимностью. Но присутствие нашей страны, как могучего и неотменимого фактора общеевропейской политики делало столь же неизбежными русских в европейской общественной жизни. В этой книге собраны статьи, эссе, заметки наших философов, литераторов, публицистов о Западе. Написанные в течение 70 лет (с 1854 по 1926), они, конечно, не отражают в полной мере ту полемику, которая велась на страницах журналов, в салонах, в литературных произведениях, но на примере размышлений авторов, для нашей культуры знаковых, способны показать то разнообразие мнений и оценок и те вопросы, которые наши соотечественники задавали Западному миру задолго до нас. Сегодня «западный вопрос» по-прежнему актуален и снова вызывает яростные споры в нашем обществе. А потому вспомнить, что писали не самые глупые наши люди сто лет назад, более, чем полезно. И нельзя не отметить, что если из некоторых статей убрать имя автора и год публикации, можно подумать, что написаны они совсем недавно – настолько точно и злободневно звучат многие их пассажи и фразы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-645-5

© Коллектив авторов, 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

Предисловие	7
Николай Бердяев. Русское западничество есть явление азиатской души	9
Александр Герцен. Старый мир и Россия	11
Письмо первое	12
Письмо второе	16
Письмо третье	20
Иван Аксаков. О духовном содержании американской народности	25
Валерий Брюсов. Новая эпоха во всемирной истории	31
1	32
2	34
3	36
4	38
5	40
6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Борисовна Альбрехт Мечтателей кумир. Запад глазами русских классиков

© Альбрехт Т.Б., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

И гость какой-нибудь скажет:

– От шуточек этих зябко,

И автор напрасно думает,

Что сам ему черт не брат!

– Ну, что вы, Иван Петрович, –

Ответит ему хозяйка, –

Боятся автору нечего,

Он умер лет сто назад...

Александр Галич. После вечеринки

Предисловие

Отождествление благополучия с Западом, а недоразвитости – с не-Западом не переживет двадцатое столетие.

Скорость этой трансформации поражает.

Самуэль Хантингтон

Было время, когда Россия (тогда еще не империя) больше знала о жизни своих восточных соседей, нежели о Европе. Было время, когда Европа вовсе не интересовалась «далекой сарматской Московией».

Но это не могло длиться вечно. Две цивилизации встретились и вступили во взаимоотношения. Какими они были – вопрос отдельный. Однако со времен Петра Великого Европа и вообще Запад всегда интересовал Россию и был предметом размышлений, осмысления, восхищения, отрицания наших литераторов, философов, общественных деятелей. Нельзя сказать, что Европа в этом деле отвечала России взаимностью. Но присутствие нашей страны, как могучего и неотменимого фактора общеевропейской политики делало столь же неизбежными русских в европейской общественной жизни. При этом очевидная разница наших цивилизаций, наша амбивалентность по отношению к Западу стали для Европы неизменным раздражающим фактором, а для нас – предметом философских и общественно-политических дискуссий.

Культурная экспансия Запада (а точнее, Франции) своеобразно преломилась в так называемой проблеме двуязычия образованного класса России рубежа XVIII–XIX веков. Эта проблема была напрямую связана с проблемой русского литературного языка, также оставшейся нерешенной к началу пушкинской эпохи. Проблему двуязычия можно представить визуально, если перелистать подряд начальные страницы первого тома романа Льва Толстого «Война и мир». Автор сознательно не поступает так, как Пушкин, который в романе «Евгений Онегин» письмо Татьяны специально переводит на русский язык для читателя. Толстой же разговоры своих героев в аристократическом салоне передает на французском языке, а ниже мелким шрифтом дается перевод на русский язык. (Для него важно подчеркнуть нежелание дворян говорить на русском языке, зафиксировать таким образом процесс отвыкания от него.)

Западное влияние на Россию, разумеется, не ограничивалось вопросами языка, экономического уклада и пр. Оно носило определяющий судьбы стран, континентов, судьбы всего мира характер цивилизационного выбора.

Западный мир разработал теорию прогресса, которую его сторонники, в том числе и искренние «русские европейцы», принимали и поддерживали как эталонную, безальтернативную.

Однако уже Пушкин, Лермонтов, Гоголь активно восставали против такого оголтелого западничества, показывая в своих произведениях, насколько непохожи по сути Россия и Запад.

На рубеже 30–40-х годов XIX века в русской общественной мысли стали оформляться западничество и славянофильство, диалектика противостояния которых на столетия определит накал споров вокруг исторических судеб России. Велись споры и по поводу степени и значимости западноевропейского влияния на русскую жизнь.

Этот спор разгорелся с новой силой в конце XIX столетия, дав мощный толчок очередному расцвету русской культуры, обратившей свои взоры уже не только на Запад, но и на Восток. Более того, в произведениях наших литераторов и мыслителей все чаще стал звучать скепсис по поводу Запада и его «блестящего» будущего.

Особенно эти тенденции усилились во время Первой мировой войны. Втянутая в общеевропейский конфликт Россия внутренне не ощущала эту войну, как Отечественную, драка за передел мира, рожденная, как считали многие «хищничеством Европы» и эгоистичными

интересами сильных мира сего, вызывала не только отторжение, но и желание понять, постичь что же происходит «там на Западе», почему этот некогда казавшийся прекрасным «европейский мир» вдруг утратил свой былой блеск и притягательность.

В этой книге собраны статьи, эссе, заметки наших философов, литераторов, публицистов о Западе. Написанные в течение 70 лет (с 1854 по 1926), они, конечно, не отражают в полной мере ту полемику, которая велась на страницах журналов, в салонах, в литературных произведениях, но на примере размышлений авторов, для нашей культуры знаковых, способны показать то разнообразие мнений и оценок и те вопросы, которые наши соотечественники задавали Западному миру задолго до нас.

Сегодня «западный вопрос» по-прежнему актуален и снова вызывает яростные споры в нашем обществе. А потому вспомнить, что писали не самые глупые наши люди сто лет назад, более, чем полезно. И нельзя не отметить, что если из некоторых статей убрать имя автора и год публикации, можно подумать, что написаны они совсем недавно – настолько точно и злободневно звучат многие их пассажи и фразы.

Брюссель. Начало XX века

Николай Бердяев. Русское западничество есть явление азиатской души

Он не преступник, а жертва эпохи, Запада, цивилизации, которая, увы, все больше и больше утрачивает веру (теряющую свою чистоту), христианский дух, общий смысл и переходит в хаос, где человек остается без путеводной звезды; в итоге – смятение, одичание, кулачное право и отсутствие истинной нравственности.

Фридрих Дюрренматт

В первом номере журнала «Летопись»¹ напечатана очень характерная статья М. Горького «Две души», которая, по-видимому, определяет направление нового журнала. Статья вращается вокруг вечной темы русских размышлений, вокруг проблемы Востока и Запада. С этой темой связана вековая распря славянофилов и западников. Тема – основная для нашего национального самосознания и очень ответственная; тема – основная для философии истории и требующая серьезной философской подготовки.

Как отнесся к ней наш прославленный писатель? М. Горький пишет таким тоном, как будто делает открытие. Он, по-видимому, чувствует себя первым радикальным западником в России. «Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и разумных русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике. Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике».

Можно подумать, что изучение и критика нашей самобытности только теперь должна начаться. Но ведь долгие десятилетия западничество было господствующим направлением русской мысли. Ни один народ не доходил до такого самоотрицания, как мы, русские. Явление – совершенно невозможное на Западе, где пышно расцвел национализм. И где же можно найти настоящее обоготворение Западной Европы и западноевропейской культуры, как не в России и не у русских? Отрицание России и идолопоклонство перед Европой – явление очень русское, восточное, азиатское явление.

Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети. Славянофилы пробовали делать в России то же, что делал в Германии Фихте, который хотел вывести германское сознание на самобытный путь. А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность.

Для русского западника-азиата Запад – обетованная земля, манящий образ совершенной жизни. Запад остается совершенно внешним, неведомым изнутри, далеким. У западника есть почти религиозное благоговение, вызываемое дистанцией. Так дети относятся к жизни взрослых, которая представляется им удивительной и соблазнительной именно потому, что она совершенно им чужда. Поистине в русской душе есть «азиатские наслоения» и они очень всегда чувствуются в радикальном западничестве горьковского типа. В радикальном западни-

¹ «Летопись» – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издавался в Петрограде в 1915–1917 годах. Одним из основателей журнала был Максим Горький. Издатель – А. Н. Тихонов. Редакция и авторы этого издания по политическим воззрениям принадлежали преимущественно к социал-демократическому лагерю среди них М. Горький, Ю. Мартов, А. В. Луначарский, А. Коллонтай и другие. В конце 1917 года журнал прекратил свое существование.

честве русской интеллигенции всегда было очень много не только совершенно русского, чуждого Западу, но и совершенно азиатского. Европейская мысль до неузнаваемости искажалась в русском интеллигентском сознании. Западная наука, западный разум приобретали характер каких-то божеств, неведомых критическому Западу. Даже Бюхнер², третьестепенный популяризатор поверхностных идей, превратился в катехизис, внушающий религиозное к себе отношение. Самоценность же мысли и познания у нас всегда отрицалась. Вот от этого азиатства пора бы освободиться русскому человеку, культурному русскому человеку.

1918

² Людвиг Бюхнер (1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель и философ.

Александр Герцен. Старый мир и Россия

Письма к В. Линтону³

³ Впервые опубликовано в 1854 г. на английском языке в журнале Линтона «The English Republic», т. III. Редакция «Английской республики» снабдила статью Герцена рядом примечаний. Приведем два из них. К фразе «Она <Европа> трепещет перед словом «социализм», написанным на двери» сделано примечание: «Еще более испугана с тех пор, как некоторые безумцы написали вместо этого слово «коммунизм»». К фразе «Самый полный реестр русских шпионов это Готский альманах» сделано примечание: «Альманах королевских фамилий. Будем надеяться, что королева Виктория в этот список не входит. Принц Альберт <муж королевы Виктории> – входит». В. Линтон – выдающийся поэт, публицист, переводчик, издатель и общественный деятель. Собираясь послать Линтону письма, составившие статью, Герцен писал ему 27 декабря 1853 г.: «Я выскажу лишь некоторые общие соображения и начну с изложения моей точки зрения, которая, может быть, не будет вами разделена в ряде мыслей». В письме Герцена от 9 февраля 1854 г. говорилось: «Как, дорогой Линтон, вы думаете, что уже подходите к концу... подождите немножко, не радуйтесь, третье письмо чудовищных пропорций на днях затопит вас. В двух предыдущих письмах нет ничего о славянском мире и о России».

Письмо первое

Любезный Линтон!

«Какова, по вашему мнению, будущность России?»

Всякий раз, когда мне приходится отвечать на подобный вопрос, я в свою очередь отвечаю на него вопросом. А именно: Способна ли Европа к социальному возрождению или нет? Вопрос этот очень важен. Ибо если русскому народу предстоит только одна будущность, то Российской империи предстоят, возможно, две будущности. Это зависит от Европы. Какая из них осуществится?

Мне кажется, что роль теперешней Европы кончена; после 1848 года она разлагается с неимоверной быстротой.

Слова эти пугают, и их оспаривают, не отдавая себе в том отчета. Разумеется, не народы погибнут, – погибнут государства, погибнут учреждения, римские, христианские, феодальные и умеренно-парламентарные, монархические или республиканские – все равно.

Европа должна преобразоваться, распасться, чтоб войти в новые сочетания. Подобным образом римский мир преобразовался в христианскую Европу. Он перестал быть самим собой; в состав нового мира он вошел только как один из его элементов, наиболее деятельных.

До сих пор европейский мир лишь частично видоизменялся; основы современного государства оставались незыблемыми. Частично улучшая, продолжали строить на том же фундаменте. Такова была реформа Лютера, такова была революция 1789 года. Иной будет социальная революция.

Мы исчерпали возможность всяческих подправок; ветхие формы готовы взорваться от каждого движения. Наша революционная мысль несовместна с существующим порядком вещей.

Государство, основанное на римской идее поглощения личности обществом, на освящении собственности, случайной и исключительной, на религии, провозглашающей самый крайний дуализм (даже в революционной формуле «бог и народ»), – такое государство не может оставить будущему ничего, кроме своего тупа, своих химических элементов, освобожденных смертью.

Социализм – это отрицание всего того, что политическая республика сохранила от старого общества. Социализм – это религия человека, религия земная, безнебесная, общество без правительства, свершение христианства и осуществление революции.

Христианство превратило раба в сына человеческого; революция превратила отпущенника в гражданина; социализм хочет из него сделать человека (ибо город должен зависеть от человека, а не человек от города). Христианство указывает сынам человеческим на сына божия как на идеал; социализм идет дальше, он объявляет сына совершеннолетним... И человек хочет быть более чем сыном Божиим – он хочет быть самим собою.

Все отношения общества к личностям и отдельных личностей между собой должны быть совершенно изменены. И тут встает вопрос: хватит ли у германо-романских народов сил, чтобы подвергнуться этому метампсихозу, и в состоянии ли они подвергнуться ему теперь?

Идея социальной революции – идея европейская. Из этого не следует, что именно западные народы более способны ее осуществить.

Христианство было только распято в Иерусалиме.

Социальная идея может быть завещанием, последней волей, пределом западного мира. Она может быть и торжественным вступлением в новое существование, приобретением тоги совершеннолетия.

Европа слишком богата, чтобы все поставить на карту; Европе есть что хранить; верхи европейского общества слишком цивилизованны, низы – слишком далеки от цивилизации, чтобы она могла очертя голову броситься в столь глубокий переворот.

Республиканцы и монархисты, деисты и иезуиты, буржуа и крестьяне... в Европе все это – консерваторы; только работники-революционеры.

Работник может спасти старый мир от большого позора и больших бедствий. Но спасенный им старый мир не переживет и одного дня, потому что тогда водворится воинствующий социализм и вопрос будет решен положительно.

Но и работник может быть побежден, как это было в Июньские дни. Расправа будет еще свирепее, еще страшнее. Тогда гибель старого мира придет иным путем и социальная идея может осуществиться в других странах.

Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так пространны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие, – это Соединенные Штаты и Россия. Никто не сомневается, что Америка – продолжение европейского развития и не более как его продолжение. Лишенная всякой инициативы, всякой изобретательности, Америка готова принять у себя Европу, осуществить социальные идеи, но она не станет низвергать древнее здание... не покинет свои плодородные поля.

Можно ли сказать то же о славянском мире? Что представляет собой славянский мир? Чего хочет этот немой мир, который прошел сквозь века, от переселения народов до наших дней, сохраняя вечное *a parte*⁴, сомкнув уста?

Станный мир, не принадлежащий ни Европе, ни Азии.

Европа предпринимает крестовые походы, славяне остаются на месте.

Европа создает феодализм, большие города, законодательство, основанное на римском праве, на германских обычаях; цивилизованная Европа становится протестантской, либеральной, парламентарной, революционной. У славян нет ни больших городов, ни аристократии; им незнакомо римское право, они не знают различия между крестьянами и горожанами; они предпочитают сельскую жизнь и сохраняют свои установления, общинные, демократические, коммунистические и патриархальные демократические, коммунистические и патриархальные.

Час этих народов словно еще не пробил, они все в ожидании чего-то, их теперешнее *status quo* является только временным.

Много раз славяне начинали складываться в сильные государства; их попытки имеют успех, развиваются (как, например, Сербия при Душане⁵)... и потом терпят неудачу, без всякой видимой причины.

Населяя пространства от берегов Волги и Эльбы до Адриатического моря и Архипелага, славяне не сумели даже объединиться для защиты своих границ. Часть их уступает натиску немцев, другая – турок, третья была поработана дикими ордами, ринувшимися на Паннонию⁶. Значительная часть России долгое время томилась под монгольским игом.

Одна лишь Польша была независима и сильна... но это потому, что она была менее славянской, чем другие; она была католическою. А католицизм противоположен славянскому духу. Славяне, как вам известно, первые начали великую борьбу с папством и впоследствии

⁴ Отдельно (французский)

⁵ Стефан Урош IV Душан, известен также как Душан Сильный – сербский король (с 1331 года) из рода Неманичей, с 1346 года – царь сербов и греков (до смерти в 1355 году), создатель Сербского царства. В ходе ряда успешных войн под его руководством Сербское царство превратилось в самую сильную державу региона, включив в свой состав значительную часть Балканского полуострова и составив реальную конкуренцию Византийской империи. В правление царя Стефана в стране была проведена кодификация сербского права (в частности, был создан «Законник» – свод юридических норм средневековой Сербии), получила распространение византийская культура. Однако вскоре после его смерти Сербское царство утратило гегемонию в регионе и распалось.

⁶ Герцен говорит о кочевых племенах, приходивших в Европу, гуннах, болгарях, мадьярах и др.

придали этой борьбе характер глубоко социальный (табориты⁷). Усмиренная и возвращенная католицизму, Богемия перестала существовать...

Итак, Польша сохранила независимость, нарушив национальное единство и сблизившись с западными государствами.

Другие славяне, оставшиеся независимыми, были далеки от того, чтобы образовать организованные государства; в их общественной жизни было нечто колеблющееся, неопределенное, нерегламентированное, анархическое (как выразились бы здешние друзья порядка). Нет ничего более сообразного со славянским характером, чем положение Украины или Малороссии со времен Киевского периода до Петра I. Это была казачья и земледельческая республика с военным устройством, на основах демократических и коммунистических. Республика без централизации, без сильного правительства, управляемая обычаями, не подчинявшаяся ни московскому царю, ни королю польскому. В этой первобытной республике не было и следа аристократии; всякий совершеннолетний человек был деятельным гражданином; все должности, от десятника до гетмана, были выборными. Заметьте, республика эта просуществовала с XIII века до XVIII, беспрестанно обороняясь от великороссов, поляков, литовцев, турок и крымских татар. На Украине, как у черногорцев и даже у сербов, иллирийцев и далматов, славянский дух обнаружил отчасти свои стремления, но не создал политической формы.

Однако надо было подвергнуться муштре сильного государства, надо было объединиться, централизоваться, покинуть беспечную казачью жизнь, пробудиться от вечного сна общинной жизни.

Около XIV столетия в России образуется средоточие, к которому тяготеют, вокруг которого кристаллизуются разнородные части государства, это средоточие – Москва. Став центральным городом России, она становится столицей православного славянства.

Именно в Москве сложилось византийское и восточное самовластие царей, Москва уничтожила остатки народных вольностей. Все было принесено в жертву идее государства; ради нее все было обезличено, все подавлено. Свергнув монгольское иго, продолжая вести кровавые войны с ливонцами, видя вооружающуюся Польшу, народ как будто чувствовал, что для спасения своей национальной независимости и своей будущности он вынужден отречься от всех человеческих прав.

Новгород, великий и вольный город, был живым укором городу-выскочке, городу царей; Москва с кровожадной жестокостью и без малейших угрызений совести раздавила соперника.

Когда вся Россия была у ее ног, Москва очутилась лицом к лицу с Варшавой.

Борьба двух этих соперниц была продолжительной и завершилась лишь в другую эпоху. На короткое время Польша взяла верх. Москва уступила, Владислав, сын польского короля Сигизмунда, был провозглашен царем всея Руси. Дом Рюрика и Владимира Мономаха угас, правительства не было, польские военачальники и казачьи гетманы правили в Москве.

Тогда весь народ поднялся по зову нижегородского мясника Минина, и Польша принуждена была покинуть Москву и русскую землю.

Москва, завершив свое дело – спайку отдельных частей государства, останавливается. Она не знает, куда употребить ею вызванные и оставшиеся в бездействии силы. Выход нашелся скоро. Там, где много сил, всегда найдется выход.

Петр I сделал из русского государства государство европейское.

Легкость, с которой часть нации применилась к европейским нравам и отреклась от своих обычаев, – наглядное доказательство того, что московское государство никогда не являлось подлинным выражением народной жизни, но было лишь переходной формой. Там, где

⁷ Радикальное крыло гуситов. Гора Табор (по аналогии с горой Фавор в Галилее) – место, где был основан первоначальный лагерь приверженцев движения. Родоначальник – Ян Гус. Движение гуситов делилось на 2 течения: таборитов и умеренных. В состав таборитов входили крестьяне, основная масса горожан, бедные рыцари. А в состав умеренных входили зажиточные бюргеры и большинство дворян.

затрагивались начала действительно национальные, – народ упорно их отстаивал. Крестьянство не приняло ничего из реформ Петра I. А крестьянство было истинным хранителем народной жизни, основанной (по выражению знаменитого историка Мишле⁸) на коммунизме, т. е. на постоянном разделе земли по числу работающих и на отсутствии личного владения землей.

Как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до чудовищной крайности начала монархизма и европейской бюрократии. Последнее слово консервативной Европы произнесено Петербургом; недаром все реакционеры обращают свои взоры к этому Риму самодержавия.

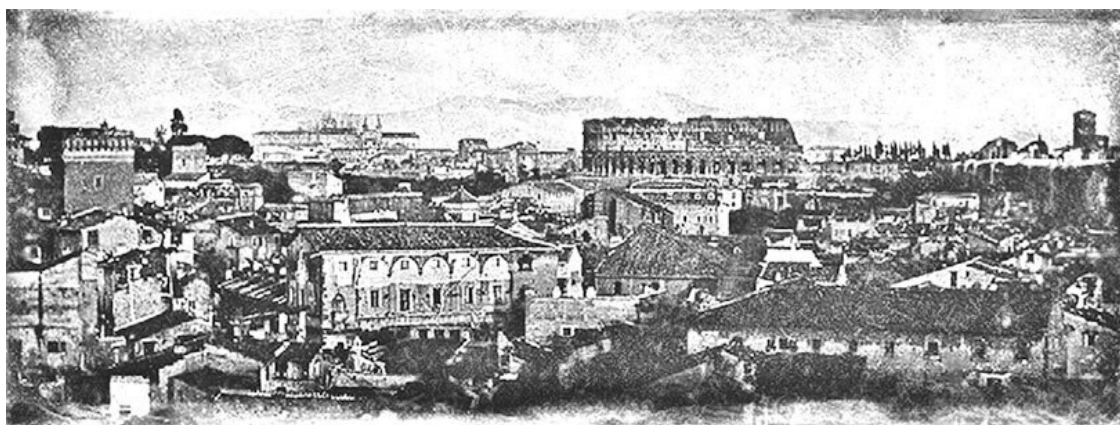
Петербургский деспотизм располагал огромными силами – об этом можно судить по гигантским размерам возникшего государства. Избыток сил был так велик, что даже в смутное время и в период гнусного управления – период между Петром I и Екатериной II, Россия материально разрасталась с невероятной быстротой.

Поглотив, покорив все, что встречалось на ее пути – остзейские провинции и Крым, Бессарабию и Финляндию, Армению и Грузию, разделив Польшу, завладев одной турецкой областью за другой, Российская империя встретила наконец грозного соперника – французскую революцию, низвергнутую, потерпевшую неудачу, выродившуюся в деспотизм, очень похожий на петербургский. Россия померилась силами с Наполеоном и победила его.

В тот час, когда Европа в Париже, в Вене, в Аахене и в Вероне признала *volens volens*⁹ гегемонию российского императора¹⁰, – в тот час дело Петра было завершено, и императорская власть оказалась в том же положении, в каком находились московские цари до Петра I.

<...>

Лондон, 2 января 1854

Колизей в 1842 году. Фотография была сделана с 38-метровой колонны Траяна

⁸ Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк и публицист, представитель романтической историографии, автор глубоко субъективных трактатов об истории, обществе и природе, написанных ярким, взволнованным языком. Автор термина «Ренессанс».

⁹ Волей-неволей (латынь).

¹⁰ Герцен говорит о подписании в 1814 году Парижского мирного договора, Венском конгрессе 1815 года и европейских монархических конгрессах 1818 и 1822 года.

Письмо второе

Любезный Линтон!

Формула европейской жизни гораздо сложнее формулы жизни древнего мира.

Когда греческая культура вышла из тесных границ городов-республик, ее политические формы сразу истощились и иссякли с чрезвычайной быстротой. Греция обратилась в римскую провинцию.

Когда Рим исчерпал запасы своей организующей силы и перерос свои политические учреждения, у него не нашлось больше возможностей для возрождения, и он распался, вступив с разными сочетаниями с варварскими народами.

Дрогшие государства не были долголетними; они существовали не более одного сезона.

В XV столетии Европа пережила такой катаклизм, который для древних государств был бы предвестником неминуемой смерти. Совесть и разум восстали против основ общественного здания. Католицизм и феодализм подверглись нападению. Глухая борьба длилась более двух столетий... Она подрывала церковь и замок.

Европа была так близка к смерти, что уже у границ ее стали показываться варвары, эти вороны, чующие издалека агонию народов.

Византией они завладели, казалось, они готовились уже ринуться на Вену; но полумесяцу пришлось остановиться на берегах Адриатического моря.

На севере зашевелился другой варварский народ, он сплывался, готовился, – народ в бараньих шкурах и с «глазами ящерицы». Степи Волги и Урала во все времена служили кочевьем переселяющимся народам; это были залы ожидания и собраний, officina gentium¹¹, где судьба готовила в тиши дикие орды, чтобы бросить их на народы, обреченные смерти, чтобы прикончить цивилизации, впавшие в маразм.

И все же луна ислама выше не поднялась и удовольствовалась тем, что озаряет развалины Акрополиса и воды Геллеспонта. А волжские варвары, вместо попытки вторгнуться в Европу, обратились в конце концов в лице одного из своих царей к соседям за цивилизацией и государственным устройством.

Первая грозная туча пронеслась над головой.

Что же случилось?

Вечное переселение народов на запад, задерживавшееся Атлантическим океаном, продолжалось, человечество нашло проводника – Христофор Колумб показал дорогу.

Америка спасла Европу.

И Европа вступила в новую фазу существования, незнакомую древним государствам, фазу внутреннего разложения по эту сторону и фазу развития по ту сторону океана.

Реформация и революция не перешагнули ни за стены церкви, ни за пределы монархических государств; очевидно, они не могли сокрушить древнее здание. Готический собор осел, трон пошатнулся, но развалины их сохранились. И ни реформация, ни революция не могли больше ничего с ними поделать.

Называется ли человек кальвинистом, евангелистом, лютеранином, протестантом, квакером – церковь все же существует, другими словами – свобода совести не существует, или же это акт индивидуального возмущения. Будет ли правление парламентским, конституционным, с двумя палатами или с одной, при ограниченном избирательном праве или при всеобщем голосовании... трон шатается, но все же существует, и хотя короли то и дело летят кувырком, на их место находятся другие. За неимением короля в республике, – если дело происходит

¹¹ Лоно народов, кузница племен (латынь).

во Франции, – его заменяют соломенным королем, которого сажают на трон и для которого сохраняются дворцы и парки, Тюльери и Сен-Клу.

Светское и рационалистическое христианство борется с церковью, не понимая того, что оно первое будет раздавлено церковными сводами; монархический республиканизм борется с тронном, чтобы усесться на него по-царски. Дыхание революции веет не здесь; поток переменил направление, предоставив старым Монтеки и Капулетти продолжать на втором плане их наследственную вражду. Знамя борьбы поднимается уже не против священника и не против короля, не против дворянина, а против их единственного наследника – против хозяина, против патентованного владельца орудий труда. Революционер теперь уже не гугенот, не протестант, не либерал; имя ему – работник.

И вот Европа, пережившая вторую, даже третью молодость, останавливается у нового порога, не смея его перешагнуть. Она трепещет перед словом «социализм», написанным на двери. Ей сказали, что дверь эту отворит Катилина¹², и это правда. Дверь может остаться закрытой, но открыть ее дано только Катилине... Катилине, у которого столько друзей, что невозможно их всех передушить в темнице. Цицерон, этот добросовестный и учтивый убийца, был счастливее своего соперника Каваньяка¹³.

Эту черту перейти труднее, чем другие. Все реформы наполовину сохраняют старый мир, набросив на него новый покров; сердце не совсем разбито, не все потеряно сразу; часть того, что мы любили, что было нам дорого с детства, что мы почитали, что освящено преданием, – остается на утешение слабым... Прощайте, песни кормилицы, прощайте, воспоминания отчего дома, прощай, привычка, власть которой сильнее власти гения, – говорит Бэкон.

...Во время бури ничто не проникает через таможню, а хватит ли терпения дожидаться затишья?

Все интересы, заботы, осложнения, стремления, волновавшие в продолжение целого века европейские умы, мало-помалу бледнеют, становятся безразличными, делом привычки, вопросами партий. Где великие слова, потрясавшие сердца и исторгавшие слезы!.. Где священные

¹² Луций Сергий Катилина (родился не позднее 108., погиб в январе 62 года до н. э.) – римский политический деятель, известный, в первую очередь, как глава заговора против республиканского строя. Принадлежал к древнему, но утратившему влияние патрицианскому роду Сергиев, предположительно, начал карьеру во время Союзнической войны 91–88 годов до н. э. В гражданской войне примкнул к Луцию Корнелию Сулле, принял активное участие в проскрипционных, заслужил репутацию человека жестокого, алчного и распутного. В 73 году до н. э. его привлекли к суду по обвинению в святотатстве, но приговор был оправдательным. Катилина занимал должность претора в 68 году до н. э., в 67–66 годах управлял провинцией Африка, а по возвращении в Рим начал добиваться консулата. Четырежды он выдвигал свою кандидатуру, но всякий раз терпел поражение; поэтому потерял надежду на законное продолжение карьеры и начал замышлять государственный переворот. Некоторые источники относят к рубежу 66 и 65 годов до н. э. так называемый «первый заговор Катилины» – попытку группы политиков, включая Луция, Марка Лициния Красса и Гая Юлия Цезаря, захватить власть и устроить резню. Впрочем, большинство современных ученых полагает, что речь идет о созданном позже пропагандистском мифе. В 63 году до н. э. Катилина составил заговор, к которому примкнули ряд нобилей, оказавшихся в карьерном тупике и близких к банкротству, многие представители аристократической «золотой молодежи», некоторые всадники. Планировалось, опираясь на сулланских ветеранов и обезземеленных крестьян, поднять мятеж в ряде регионов Италии, ввести войска в Рим, перебить многих сенаторов, а потом распределить между участниками заговора основные должности (Луций должен был стать консулом). Об этих планах узнал один из действующих консулов, Марк Туллий Цицерон. Получив доказательства существования заговора, он постарался убедить сенат в наличии смертельной опасности для всего республиканского строя. Его «Первая речь против Катилины» имела огромный успех; Луций в тот же день уехал из столицы и открыто примкнул к мятежу, поднятому его союзником Гаем Манлием в Этрурии. В Риме его объявили «врагом государства», а других заговорщиков, оставшихся в городе, позже казнили без суда. В январе 62 года до н. э. под Писторией Катилине пришлось принять бой с армией его бывшего союзника Гая Антония Гибриды. Мятежники были разгромлены, сам Луций погиб в схватке. Основными источниками, рассказывающими о Катилине, являются произведения его личного врага Цицерона и идеологического противника Саллюстия. В этих текстах Луций изображен как олицетворение всех пороков, злодей и преступник. Такой образ стал общепринятым для западной культуры. С конца XIX века многие ученые относятся к нему критически, однако создать полную и объективную биографию Катилины не представляется возможным из-за скудости источниковой базы. Катилина стал героем многих произведений художественной литературы, причем в некоторых из них предстает как революционер и романтический герой.

¹³ Луи Эжен Каваньяк (1802–1857) – французский генерал и государственный деятель; главный организатор расправы над парижскими рабочими во время подавления Июньского восстания 1848 года.

знамена, которым со времени Яна Гуса поклонялись в одном стане, с 89 года¹⁴ – в другом? С тех пор как непроницаемый туман, окутывавший Февральскую революцию¹⁵, рассеялся, все начинает проясниться, резкая простота заменила путаницу; существуют только два подлинно важных вопроса:

- вопрос социальный,
- вопрос русский.

И, в сущности, эти два вопроса сводятся к одному.

Русский вопрос – случайное явление, отрицательный опыт. Это новое пришествие варваров, чующих агонию, возвещающих старому миру «memento mori»¹⁶, предлагающих ему убийцу, если он не желает покончить с собой.

В самом деле, если революционный социализм не в состоянии будет доконать вырождающийся общественный строй, его доконает Россия.

Я не говорю, что это необходимо, но это возможно.

Нет ничего абсолютно необходимого. Будущее не бывает неотвратимо предрешиено; неминуемого предназначения нет. Будущее может и вовсе не наступить. Геологический катаклизм вполне может уничтожить не только восточный вопрос, но и все прочие, – за отсутствием задающих вопросы.

Будущее слагается из элементов, имеющих под рукой, из окружающих условий; оно продолжает прошедшее; общие устремления, смутно выраженные, изменяются в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства решают, как это произойдет, и неясная возможность становится совершившимся фактом. Россия точно так же может овладеть Европой до Атлантического океана, как и подвергнуться европейскому нашествию до Урала.

В первом случае Европа должна быть разрозненной.

Во втором – тесно сплоченной.

Сплочена ли она?

<...> Донозо Кортес в знаменитой речи, произнесенной в Мадриде в 1849 году, предсказывал вторжение русских в Европу и видел для цивилизации якорь спасения только в единстве власти, т. е. в неограниченной монархии, служащей целям католицизма. Первым условием для этого он также считал введение католицизма в Англию.

Может быть, подобное единство чрезвычайно усилило бы Европу, но это единство совершенно невозможно, – невозможно, как и все прочие, за исключением единства революционного.

<...>

Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего более разъедающего, разлагающего, тлетворного, чем деспотизм. Случается иногда, что юные народы в поисках общественного устройства начинают с деспотизма, проходят через него, пользуются им как суровой школой; но чаще под игом деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство.

Если военный деспотизм, алжирский или кавказский, бонапартистский или казачий, овладеет Европой, то он непременно будет вовлечен в жестокую войну со старым обществом; он не сможет допустить существования полусвободных учреждений, полунезависимого правопорядка, цивилизации, привыкшей к вольной речи, науки, привыкшей к исследованию, промышленности, становящейся великой силой.

¹⁴ С 1789 года – начала Великой Французской революции.

¹⁵ Революция во Франции, первая из европейских революций 1848–1849 годов. Задачами революции было установление гражданских прав и свобод. Вылилась 24 февраля 1848 года в отречение от престола некогда либерального короля Луи-Филиппа I и провозглашение Второй республики. В президенты нового государства был избран в дальнейшем ходе революции, после подавления социал-революционного восстания в июне 1848, племянник Наполеона Бонапарта, Луи-Наполеон Бонапарт.

¹⁶ «Помни о смерти» – латинская крылатая фраза, которую произносили в Древнем Риме во время триумфального шествия полководцев, напоминая, что слава не делает их бессмертными.

Деспотизм – это варварство, погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в которых рождается спаситель.

Гамбург около 1860 года, Ломбардский мост

Европейский мир в той форме, в которой он теперь существует, выполнил свое назначение; но нам кажется, что он мог бы почетнее окончить свое поприще, переменить форму существования, – не без потрясений, но без падения, без унижения. <...>

Глубокая и безмолвная ночь скроет процесс разложения.

А после?.. После ночи наступает день!

Совершившиеся несчастья должно оплакать... Но оставим мертвым погребать своих мертвецов; и, с состраданием, с уважением накрыв гробовым саваном агонизирующее тело, найдем в себе мужество повторить старый возглас:

Король умер – да здравствует король!..

Лондон, 17 февраля 1854.

Письмо третье

Любезный Линтон!

Славянский мир гораздо моложе Европы.

Он моложе политически, как Австралия моложе ее геологически. Он складывался медленнее; он не развился, он еще мир недавний и едва только вступающий в великий поток истории.

Счет прожитых веков тут ничего не значит. Детство народов может длиться тысячелетия, равно как и их старость. Славянские народы служат примером первому, азиатские – второму.

Но что дает право утверждать, что теперешнее состояние славян – это юность, а не дряхлость; что это начало развития, а не неспособность к нему? Разве мы не знаем, что иные народы исчезают, так и не став историческими, даже народы, показавшие, что они не лишены способностей, как финны, например.

Достаточно присмотреться к судьбам России, чтобы на этот счет не осталось никаких сомнений. Страшное влияние, которое она оказывает на Европу, – не признак маразма или неспособности, напротив – это признак полудикой силы, необузданной, но могучей юности.

Такой именно Россия вступила впервые в цивилизованный мир.

Это было во времена регентства в Париже и кое-чего еще худшего в Германии. Повсюду растление, изнеженность, расслабляющий и постыдный разврат, грубый в Германии, утонченный в Париже.

В этой нездоровой атмосфере, где вредные испарения едва заглушались благовониями, в этом мире наложниц, незаконнорожденных дочерей, куртизанок, правящих государствами, расслабленных нервов, слабоумных принцев – вздыхаешь, наконец, с облегчением при виде гигантской фигуры Петра I, этого варвара в простом мундире из грубого сукна, жителя севера, дюжего, мускулистого, полного энергии и силы. Таков был первый русский, занявший свое место среди европейских властителей. Он пришел учиться и узнал много для себя неожиданного. Он понял слишком хорошо, что западные государства дряхлы, а их правители растленны.

Тогда еще не предвидели революцию, которой предстояло спасти мир; предвидели только разложение. Так Петр I понял возможное значение России перед лицом Азии и Европы. Подлинное оно или нет, но завещание Петра содержит его мысли, которые он, впрочем, нередко высказывал в своих заметках и записках.

Россию можно осуждать, проклинать, но можно ли утверждать, что она одряхла, остановилась в своем развитии, клонится к упадку?

<...> В России ничто не имеет того характера застоя и смерти, который у старых народов Востока неизменно, однообразно передается из поколения в поколение.

Из неспособности народа к той или иной переходной форме неправильно заключать об его полной неспособности к развитию вообще.

Славянские народы не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разьединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства. Они ненавидят солдатчину, они ненавидят полицию. Федерация для славян была бы, быть может, наиболее национальной формой. Противоположный всякой федеративности петербургский режим – лишь суровое испытание, временная форма; она несомненно принесла и некоторую пользу, насильственно спаяв разрозненные части империи и принудив их к единству.

Русский народ – народ земледельческий. В Европе улучшения в социальном положении владеющего собственностью меньшинства коснулись лишь горожан. А крестьянам революция принесла только отмену крепостного состояния и раздробление земель. Между тем известно, что разделение земельных участков нанесло бы смертельный удар русской общине.

В России ничто не окаменело; все в ней находится еще в текучем состоянии, все к чему-то готовится. Гакстаузен справедливо заметил, что в России всюду видны «незаконченность, рост, начало».

Естественно возникает вопрос – должна ли Россия пройти через все фазы европейского развития или ей предстоит совсем иное, революционное развитие? Я решительно отрицаю необходимость подобных повторений. Мы можем и должны пройти через скорбные, трудные фазы исторического развития наших предшественников, но так, как зародыш проходит низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд, достигнутый результат свершены и достигнуты для всех понимающих; это круговая порука прогресса, майорат человечества. Я очень хорошо знаю, что результат сам по себе не передается, что по крайней мере он в этом случае бесполезен, – результат действителен, результат усваивается только вместе со всем логическим процессом. Всякий школьник заново открывает теоремы Эвклида, но какая разница между трудом Эвклида и трудом ребенка нашего времени!..

Россия проделала свою революционную эмбриогению в европейской школе. Дворянство вместе с правительством образуют европейское государство в государстве славянском. Мы прошли через все фазы либерализма, от английского конституционализма до поклонения 93-му году¹⁷. Все это было похоже – я об этом говорил в другом месте – на aberrацию звезд, которая в малом виде повторяет пробег земли по ее орбите.

Народу не нужно начинать снова этот скорбный труд. Зачем ему проливать свою кровь ради тех полурешений, к которым мы пришли и значение которых только в том, что они выдвинули другие вопросы, возбудили другие стремления?

<...>

Европеизированная Россия по-настоящему открыла русский народ только после революции 1830 года¹⁸. С удивлением поняли наконец, что русский народ, столь равнодушный, столь не способный к постановке политических вопросов, – своим бытом ближе всех европейским народам к новому социальному устройству. «Пусть так, – возразят на это, – но он близок и к социальному устройству некоторых народов Азии». При этом указывают на сельские общины у индусов, довольно схожие с нашими.

А я и не отрицаю того, что некоторыми своими элементами общественная жизнь азиатских народов стоит выше общественной жизни Запада. Не общинное устройство задерживает развитие азиатских народов, а их неподвижность, их нетерпимость, бессилие их порвать с патриархальностью, с племенным бытом. У нас все это не играет роли.

Славянские народы, напротив того, отличаются гибкостью: замечательна легкость, с которой они усваивают язык, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря.

У образованных русских (как ни оторваны они от народа, но все же в них отразился его характер) вы не найдете той нетерпимости старых женщин, той ограниченности несвободных людей, которые на каждом шагу встречаются в старом мире.

Неприступная китайская стена, разделяющая Европу, вызывает у нас изумление. Разве Англия и Франция имеют понятие об умственном движении в Германии? В еще меньшей степени эти два европейские Китая способны понять друг друга. Разделенные лишь несколь-

¹⁷ 1793 год, чрезвычайно богатый на события, особенно в революционной Франции – от казни Людовика XVI до якобинской диктатуры, принятия первой демократической конституции, а также создания европейской антифранцузской коалиции и начала общеевропейских войн, завершившихся только с падением Наполеона.

¹⁸ Июльская революция или Французская революция 1830 года, Вторая французская революция, «Три славных дня» – восстание в июле 1830 года во Франции, приведшее к свержению Карла X и возведению на престол его «кузена» (фактически дальнего родственника) Луи-Филиппа, герцога Орлеанского. Она ознаменовала переход от одной конституционной монархии – реставрации Бурбонов к другой – Июльской монархии, переход власти от дома Бурбонов к его младшей ветви, Орлеанскому дому, торжество принципа народного суверенитета над принципом Божественного права короля, а также установление либерального режима и окончательное торжество буржуазии над земельной аристократией.

кими часами езды, поддерживающие между собой непрерывную торговлю, необходимые друг другу, Париж и Лондон дальше друг от друга, нежели Лондон и Нью-Йорк. Англичанин из народа смотрит на француза с дикой ненавистью, с видом превосходства – отчего он сам кажется жалким.

Английский буржуа еще несноснее; он вас душит вопросами, обнаруживающими столь глубокое неведение соседнего края, что не знаешь, как ему отвечать. Француз, в свою очередь, способен прожить пять лет в Лейстер-сквере, не понимай, что делается вокруг. Чем же объяснить, что немецкая наука, которая не в состоянии перейти Рейн, очень хорошо пересекает Волгу; что британская поэзия, искажающаяся при переходе через пролив, переплывает невредимая Балтийское море? И все это при правительстве подозрительном и самовластном, принимающем все меры, чтобы отдалить нас от Европы.

Наше воспитание, домашнее и общественное, имеет резко выраженный универсальный характер. Нет воспитания менее религиозного, чем наше, и более многоязычного, особенно по части новых языков. Этот характер придала ему реформа Петра I, в высшей степени реалистическая, светская и в общем европейская. Кафедры богословия учреждены были в университетах только при императоре Александре, и притом в последние годы его царствования.

Наше воспитание не имеет ничего общего с той средой, для которой человек предназначен, и в этом его достоинство. «...» Самые тяжкие времена миновали; меньшинство, дотоле полностью оторванное от народа, встретилось с народом тогда, когда оно меньше всего этого ожидало.

С каким удивлением слушали наши рассказы о русской общине, о постоянном переделе земли между ее членами, о выборных старостах с их простыми способами управления, о всеобщем голосовании и общинных делах! Иногда нас считали пустыми мечтателями, людьми, свихнувшимися на социализме!.. Но вот является человек, отнюдь не революционно настроенный, и издает три тома о сельской общине в России. Это Гакстгаузен – католик, пруссак, агроном и монархист, столь крайний, что для него прусский король слишком либерален, а император Николай слишком человеколюбив!

Факты, нами указанные, изложены им *in extenso*¹⁹. Не буду повторять то, что я уже говорил об этой зачаточной организации общинного *self-government*²⁰, где все должности выборные, где все – собственники, хотя земля не принадлежит никому, где пролетариат – ненормальное явление, исключение. Вы об этом достаточно знаете и поймете, что русский народ, несчастный, в значительной своей части подавленный крепостничеством, в целом подавленный правительством, которое его гнетет и презирает, не мог вслед за народами Европы проходить фазы их революционных движений, исключительно городских и которые тотчас пошатнули бы основания его общинного строя. Современная революция, напротив того, разыгрывается на той же почве, мы увидим, каков будет результат этой встречи.

Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное *self-government*, на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли – вот основной вопрос русской революции – тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы.

Государство и личность, власть и свобода, коммунизм и эгоизм (в широком смысле слова) – вот геркулесовы столбы великой борьбы, великой революционной эпопеи.

Европа предлагает решение ущербное и отвлеченное. Россия – другое решение, ущербное и дикое.

¹⁹ Подробно (латынь).

²⁰ Самоуправление (английский).

Революция даст синтез этих решений. Социальные формулы остаются смутными, покуда жизнь их не осуществит.

Англосаксонские народы освободили личность, отрицая общественное начало, обособляя человека. Русский народ сохранил общинное устройство, отрицая личность, поглощая человека.

Закваска, которая должна была привести в движение силы, дремлющие в бездействии общинно-патриархальной жизни, – это принцип индивидуализма, личной воли. Это начало входит в русскую жизнь иным путем, воплощается в лице царя-революционера, отрицавшего традицию и национальность, надвое разделившего русский народ.

Русская империя – творение XVIII века; все, что создавалось в это время, несло в себе семена революции.

Холостой дворец Фридриха II и смиренный дом, служивший дворцом его отцу²¹, вовсе не были монархичны, подобно Эскуриалу или Тюльери. В новом государстве веял резкий утренний ветер; в нем все просто, сухо, положительно, рационально, – а это именно убивает религию и монархию. То же и в России.

Петр I круто порвал с византийско-московской традицией. Деятель гениальный, он предпочитал власть престолу, воздействовал скорее террором, нежели величием, он ненавидел театральность, столь необходимую для монархии.

<...>

Социализм объединяет европейских революционеров с революционерами славянскими.

Социализм снова привел революционную партию к народу. Это знаменательно. Если в Европе социализм воспринимается как знамя раздора, как угроза, – перед нами социализм предстает как радуга революций, надежда на будущее.

Все жизненные вопросы поставлены так, что их решение неизбежно повлечет нас к общественному переустройству – если только оно не будет отсрочено какими-либо внешними событиями.

<...>

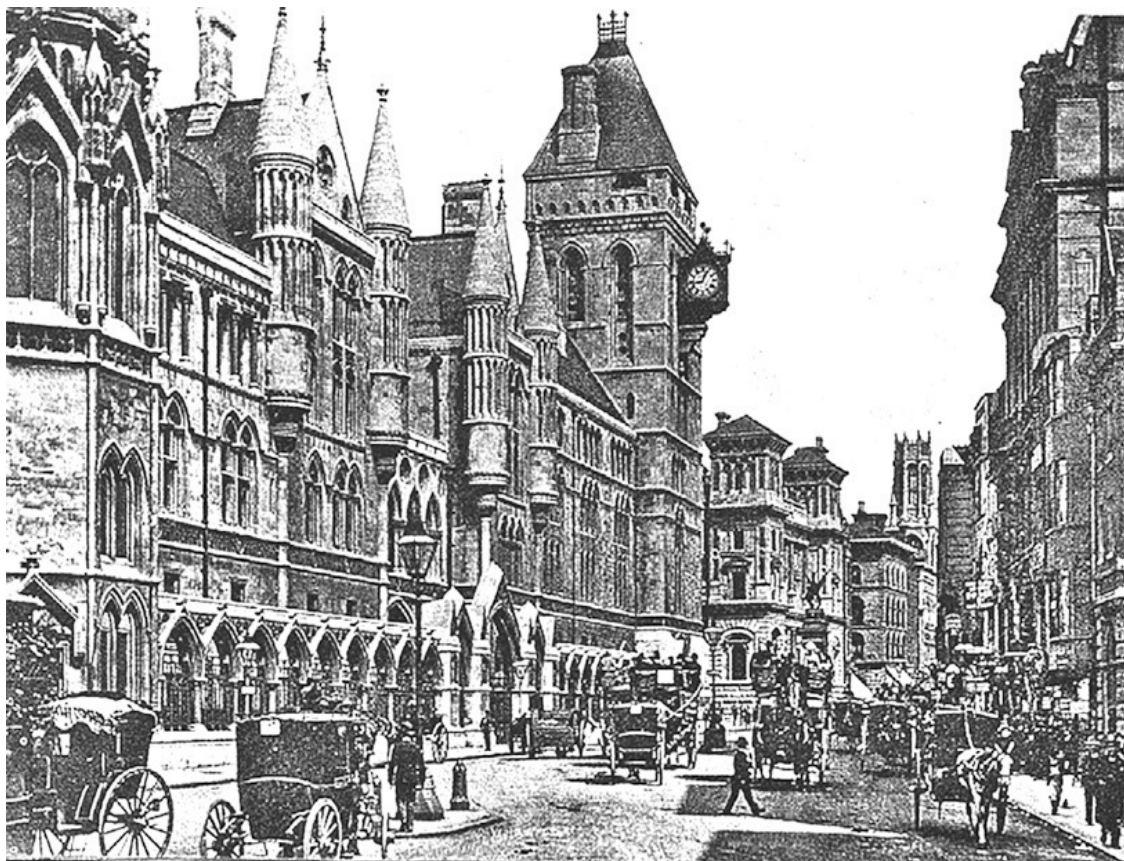
Время славянского мира настало. Таборит, человек общинного быта, расправляет плечи... Социализм ли его пробудил? Где водрузит он свое знамя? К какому центру он тяготеет?

Ни Вена, город рококо-немецкий, ни Петербург, город ново-немецкий, ни Варшава, город католический, ни Москва, город только русский, – не могут претендовать на роль столицы объединенных славян. Этой столицей может стать Константинополь – Рим восточной церкви, центр притяжения всех славяно-греков, город, окруженный славяно-эллинским населением.

Германо-романские народности – это продолжение Западной империи; явится ли славянский мир продолжением Восточной империи? – Не знаю, но Константинополь убьет Петербург.

Для Европы всякая война – бедствие. Европа уже не в тех годах, когда ведут поэтические войны. Ей предстоит решение иных вопросов, предстоит иная борьба, – но она сама этого хотела!.. Теперь она искупает вину.

²¹ Прусский король Фридрих Вильгельм I насаждал в своем окружении примитивность и казарменную грубость нравов.

Лондон. 1890-е годы

Завоевательная война несовместна с цивилизацией, с промышленным развитием Европы, несовместны с ним и абсолютная монархия, солдатский деспотизм; однако весь континент предпочел их свободе.

Во всяком случае эта война – l'introduzione maestosa e marziale²² славянства в мировую историю и una marcia funèbre²³ старого мира.

Примите мой братский привет.

Лондон, 20 февраля 1854.

²² Величественная и воинственная интродукция (итальянский).

²³ Похоронный марш (итальянский).

Иван Аксаков. О духовном содержании американской народности

Какой же главный нравственный мотив соединения Американских Штатов?... Вся деятельность духа устремлена только в одну сторону – к материальному благосостоянию, которое оттого и представляется в том колоссальном блестящем виде, как нигде в Европе, росло не по дням, а по часам, как богатырь в сказке. Но что принесло это развитие человечеству, чем обогатило мысль, какою сторону духа разработало оно?

Ничего не принесло, кроме машин и товаров, кроме механических изобретений, кроме вещественных улучшений. Искусство, наука, философия – не удел Северной Америки, это не по ее части.

Можно было бы поразиться этим страшным бездушием, входящим, как элемент, в развитие целой страны, если б не было своего рода души в этом бездушии, если б не было страстной энергии в этом стремлении, если б сама материальная сторона развития являлась не как идея и цель. Невольно задаешься вопросом: где же то нравственное целое, во имя которого собираются вместе люди, где то общее, которому служат личности, которое поглощает в себе личный эгоизм? В других странах это целое может быть государство, как живой организм с прошедшим, настоящим и будущим: это общее может быть религия, цивилизация, единоплеменность, однородность физическая и духовная, единство нравственного закона, народная индивидуальность. Ничего подобного нет в Америке. Свобода личности? Но для чего же именно нужна эта свобода? Чему она должна послужить, чего хочет достигнуть человек при этой свободе?

Если нет высшей нравственной цели, то она перерождается в личный произвол, в простор личного эгоизма. Оно так и есть: простор личному эгоизму, материальное благосостояние, материальные мотивы жизни – вот настоящее знамя союза, вот двигатель жизни! Конечно, эти мотивы, являясь как знамя, как соединительный принцип, в свою очередь являются тем общим, которое поглощает в себе разнузданный эгоизм личностей: без этого некоторого поглощения общество не просуществовало бы и одного часу, и разнузданность личного эгоизма представила бы ужасное зрелище. «Помогай сам себе!» – кричат эгоистически американцы – и гибнут тысячами, проваливаясь сквозь мост, дерзко перекинутый через пропасть, и тысячи снова кидаются в новое отважное предприятие, от которого дух захватывает у европейца. Но эти мотивы достаточны ли для нравственной природы человеческого общества? Эта американская свобода действительно ли свобода? Эта сила, это могущество надежны ли, прочны ли?

Материализм Америки не есть, конечно, тот старческий разврат, та чувственность, на которые, по-видимому, давало ей право ее знамя. Нет, этот материализм другого рода, материализм грубый, но трезвый и энергический – не духовная расслабленность и распущенность, которая находит наслаждение в разврате, как в запрещенном плоде, а устремление всех сил духа к одной цели, к труду вещественному, упорному, к победе над материей; развратничать американцу некогда, да и не расчет. Для него человеческая жизнь является не как наслаждение, а как работа. Сравнительно с Европой, разврата в Америке несколько не больше, хотя в ней нет тех нравственных узд, которые накладывают на личность в Европе государство и общество, – но если в Европе разврат является уклонением от нравственного идеала, зато в Америке подорван, развращен самый идеал или вернее сказать: в ней отсутствие всякого нравственного идеала. Зато в ней есть такие явления, которые возможны только в Америке. Возьмем, например, хоть выставку хорошо откормленных грудных детей и раздачу наград матерям и кормилицам... Это ошибка, подумает читатель, дело идет о телятах и поросятах: тех действительно откармливать заставляет хозяев материальная выгода?... Нисколько не ошибка, а точка зрения американца. Он не слишком верит нравственным побуждениям в человеке, материн-

скому чувству, долгу совести и тому подобным бредням. Деньги и публичная похвала, вместе с газетного аттестацией – вот главные побуждения, вот что, по его мнению, может заставить американских матерей вскормить ребенка, как следует, грудью, и дать Америке породу людей здоровых и дюжих. Посмотрите же на эту выставку голых невинных младенцев: какие в самом деле пухлые ножки, ручки, как обозначаются бедра! Нет ли, однако же, тут подлога? Не беспокойтесь: наверное уже давно придумана машина или какой-нибудь способ, чтоб отличить обман вроде тех, которые употребляют иногда цыгане при продаже лошадей!.. Удивительно, что американцы не приложили еще к людскому роду системы конских заводов и известных конюшен! Впрочем южноамериканские плантаторы давно уже ввели ее между неграми... Как, по-видимому, ни мелочно такое явление, то есть упомянутая нами выставка, но оно есть такой симптом внутреннего нравственного строя американской жизни, который знаменательнее и характеристичнее многих явлений, почитаемых крупными.

Вот и другое явление: мормоны. Это безобразия могло родиться только на американской почве. Разнузданность личного эгоизма должна была искать себе оправдания, нравственной опоры в душе человека. В Америке, как мы сказали, есть множество личных верований, но нет одного общего, входящего как просветительное историческое начало в образование народности. Потребность религии при отсутствии религии, при отсутствии религиозного элемента в американской народности, должна была на почве этой народности, на почве материальных стремлений и разнузданной личности, сдерживаемой только расчетами материальных выгод, породить религию вроде мормонской, где к спасению человеческого приложены теории математических выкладок и механического удешевленного и упрощенного производства. Известно, что по учению этой секты, очень многочисленной и американски-энергической, сношение полов является, между прочим, как одно из орудий механизма спасения: женщина получает спасение только чрез связь с мужчиной, который, если он не муж, дает ей только 74 спасения, так что для полного спасения ей достаточно состоять в связи с 4 мужчинами и т. д. Американское правительство, справедливо найдя, что такое учение вредно для страны даже в экономическом отношении, бесцеремонно выгнало пушками и штыками последователей этой секты за пределы Союза, и мормоны клянут ограниченность американской свободы!

А спиритизм? Это также явление чисто американское, возникшее на американской почве и во всяком случае там развившееся до своего апогея. Здесь не место и не время входить в подробное рассмотрение этого учения, имеющего не только в Европе, но и у нас своих приверженцев; скажем только, что это есть чистейший утонченнейший материализм, который даже загробное бытие с его тайнами и всякое движение бестелесного духа понимает как материю, которую можно уловить, вызвать, выкрасть, так сказать, у надземного мира механическими снарядами. Мнимые разговоры и откровения умерших производятся посредством упрощенного способа новоизобретенных машинок, заменивших собою столы и тарелки: чрезвычайно комфортабельно, удобно и дешево, без всякого нравственного труда, можете вы заставить апостолов досказать недосказанное; и не одних апостолов! И эта дичь мирится с нашей цивилизацией, является, как ее продукт, в ее обстановке! Что же такое эта цивилизация? Не служит ли подобное явление грозным обличением ее внутренней несостоятельности, ее лжи всякий раз, как она оставляет истинный путь веры, – своего рода *temento*, напоминающее самонадеянному и гордому своей цивилизацией миру о его ограниченности и дикости?

Как бы то ни было, но эти три явления, как выставка младенцев, мормонизм и спиритизм – продукты именно американской почвы и американской народности: нам нет дела до того, что в Виргинии потомки французов сохранили преданность латинству, что квакеры в Филадельфии завели такие-то школы и пр. Не спорим, что ко всем этим представителям разных европейских племен примешана еще и американская энергия, но названные нами явления суть произведение той новой народности, которая образовалась из соглашения всех отдельных народностей – минус их исторических преданий, их религии, их индивидуальных особенно-

стей. Названные нами явления бросают яркий свет на весь характер американского развития и объясняют, с одной стороны, те громадные успехи в области материальной, с которыми не может сравниться ни один из народов в Европе, – из которых, однако, вышли все люди, населяющие Америку!

Когда образовалась североамериканская федерация, думали, что Америка разрешила наконец задачу, по-видимому, неразрешимую, – то есть нашла возможность согласить неограниченную свободу личности с принципом политического государственного устройства, со всеми теми выгодами, какие представляет держава с политическим единством, могуществом и стройностью: одним словом – быть могучим политическим государством – почти без правительства. Формулой этого нового устройства явилось «самоуправление», self-government, но совсем не в том смысле, в каком понимается это слово у нас. Американское самоуправление есть такой принцип общественного устройства, при котором каждая единица есть живое воплощение идеи государственной относительно себя самого, или, выражаясь словами одного писателя, каждый обращается в квартального надзирателя над самим собою, в чиновника относительно себя самого, своей собственной личности. И именно потому, что нигде так не эмансипировалась внешним образом личность, как в Северной Америке, и должна была там возникнуть идея личного самоуправления, как самообуздания и самосохранения личности. Но где регулятор этого личного самоуправления, чем и во имя чего будет обуздываема эта личность? Во имя гражданского договора, во имя той внешней правды или пользы, которую признала вся эта совокупность личных единиц для себя обязательно? Но если этот агломерат людей – не связанных между собою ни единоплеменностью, ни единоверием, ни единством органического исторического развития, ни духовными, ни физиологическими узами – не имеет для союза никакого другого цемента, кроме внешнего, кроме материального расчета; если самообуздание личности является не как нравственное самоограничение, предписываемое совестью, а как выгодная сделка ничем другим не соединенных личностей, – то какое же это шаткое основание в борьбе с личными страстями человека, какой же это ненадежный оплот против эгоизма, признанного как принцип!!

И действительно мы видим, что личное самоуправление перешло в Америке в личное, нередко дикое, самоуправство, – и произвол власти правительственной, которого примеры являет Европа, переродился в Америке в произвол личный каждого лица. Но такое общество не могло бы и существовать, возразят многие. Оно и действительно не может существовать, признаки разложения и теперь показываются. Если оно существовало до сих пор с такою силою и могуществом, то этому причиною было именно то, что оно переживало до сих пор процесс осуществления этой новой идеи, достигало возможного крайнего фазиса своего развития, – наконец, главною причиною сравнительной сдержанности, проявляемой до сих пор этими эмансипированными личными эгоизмами – служило увлечение материальною выгодною, общее стремление к одной материальной цели, поглотившее на время всякие заботы политические, всякие государственные вождения, похоти и инстинкты. Но эти инстинкты не замедлят проснуться – и просыпаются.

Внутренние противоречия начинают уже и теперь сказываться; бедность духовного содержания собственно американской народности не в состоянии более накладывать свой тип на все разноплеменные ингредиенты, входящие в ее состав; одни расчеты выгод не в силах больше удерживать в безразличии американского национального элемента – племенные отличия, так долго подавленные или пренебреженные ради идеи союза. Вернее сказать, они-то, эти расчеты выгод, и обращаются сами против своего создания, против союза, на расчете основанного! Племенные особенности начинают обозначаться. Южные штаты Америки, без сомнения, отличаются особым характером своих обитателей, большею частью не англосаксонского, а романского происхождения, латинян по вере и с аристократическими преданиями. Это обстоятельство – одна из главных пружин настоящей междоусобной распри. Война, которую повели

северные штаты с южными за сохранение целостности союза, свидетельствует о том, что насилие отныне является существенным элементом союза. Стало быть это уже не естественный и добровольный, но насильственный и искусственный союз. Во имя чего? Во имя свободы и правды жизни?? Противоречие, которое уже дало и даст себя знать в последующей истории!

В самом деле – какой ряд вопиющих противоречий! Страна свободы, равенства, бессловности – с участием негров как животной рабочей силы в значительном числе штатов. Положение негров в Южной Америке всем известно. Мы сами видали американских джентльменов, очень серьезно и искренно доказывавших, что у негров нет человеческой души и что они только особая порода животных. Положим, в теории наши юные нигилисты и сами имеют притязание на происхождение от какой-то благодетельной обезьяны, но ведь это только в теории, досужей и праздной: на деле они благородно непоследовательны и первые возмутились бы да и возмущаются практическим приложением этой теории к неграм. Рядом с такою бесчеловечностью отношений к людям – является самый пышный расцвет человеческой изобретательности и цивилизации! Почти 80-летнее существование такого противоречия: рабства негров с принципом человеческой личной свободы, так гордо провозглашенным, – противоречия, давшего однако Америке такую массу богатства, такое значение на торговых рынках Европы, – стало наконец невыносимым диссонансом для самого общества. Северные штаты потребовали уничтожения невольничества; южные хотели удержать его, и классическая страна свободы и демократии распалась на два враждебных стана – из-за спора о свободе. Как же понималась до сих пор эта свобода, если в «стране свободы» самый простой принцип ее мог оказаться спорным?! Ну что же? Распалась так распалась, будут две федерации вместо одной: Северная без негров и Южная с неграми... Но тогда нет причины, чтобы не явилось и еще третьей, четвертой, пятой группы штатов и т. д., одним словом – североамериканская держава могла бы распасться совсем, на столько штатов, сколько их есть в Союзе, и самые штаты утратить всякий политический характер. И вот возникает новое противоречие. Федерация, в основе которой, по самому смыслу, лежит добровольное согласие, свободный союз, выдвигает начало принуждения и насилия... Являются требования и инстинкты крупного политического организма; сказывается «натура больших государств», по выражению Хомякова. Эти инстинкты были до сих пор чужды Америке. Лишенная всяких других нравственных путеводительных начал, она по крайней мере в самом принципе свободы и согласия находила до сих пор оправдание своей политической организации: это было единственно нравственной стороной, *raison d'être*²⁴ ее бытия: если же нет согласия в «согласии», то есть в союзе, что одно и то же, – то что же это такое? Государство с атрибутами принуждения, насилия, деспотизма?!

²⁴ Смысл существования (французский).

Чарлстон, Южная Каролина, США, 1865 год

Негры не составляют настоящего повода к войне. Если б дело шло об одних неграх, то с эмансипацией их дело должно бы и кончиться. Эмансипация их неизбежна для Южных штатов; но если бы и совершилась эта эмансипация, то Северные штаты точно также не допустили бы разрыва. Известно, что некоторые штаты, в которых нет невольничества, хотели было отложиться, но федералистская армия заставила их обратиться в Союз. Дело, стало быть, в сохранении самой политической организации. Но если даже Южные штаты и покорятся, то это будет уже не прежняя, а новая политическая организация с принципом насилия и принуждения, организация союза, вскормленная, так сказать, междоусобным раздором, крещенная в братней крови!

Война Северных штатов с Южными – своими размерами как в боевых снарядах, так и в количестве жертв, превосходит все доселе известные войны – вполне достойна Америки. Это какое-то остервенение, какая-то оргия братоубийства, к которой приспособлена вся роскошь цивилизации. Как будто конечная цель последней – изобрести наибольший комфорт и удобство к самоистреблению человеческого рода! Будто необходимо было явить миру, как способны уживаться дикость и свирепство с цивилизацией – то есть показать: что такое цивилизация, опорожненная от нравственного содержания. Если *der schrecklichste der Schrecken, das ist der*

Mensch in seinem Wahn (самый ужаснейший из ужасов – это человек в своем, безумии), то едва ли меньшим ужасом веет от цивилизации – лишенной нравственного просветительного начала. При этом заметим следующее. В Европе войны приписываются обыкновенно властолюбию, честолюбию или самолюбию правительств, и еще более правительственных лиц. На них обыкновенно сваливают историки всю вину кровопролитий. Народы, хотя и поставляют государству послушно необходимый живой и вещественный материал для войны, но до некоторой степени остаются в своей жизни, у себя дома, чуждыми этого кровавого пира или, по крайней мере, вовлекаются в него крайнею необходимостью, например вторжением неприятеля и т. п. Не то в Америке. Здесь нет такой власти, сосредоточенной в лице или в правительстве, которая бы несла на себе этот грех государства. Здесь в этом грехе участвует в равной степени все общество, здесь оно отвечает всем личным составом без исключения; здесь дело правительства есть мое, личное дело каждого: нет убежища личной совести даже и в душе человека: у него совесть правительственная, он сам весь правительство. Поэтому-то и совершается эта война в размерах до сих пор небывалых и с свирепостью личною, небывалою. Ожесточенность государственного самолюбия принята в душу каждым отдельным гражданином.

Тем не менее близок мир. Будет ли он прочен? Гарантией его прочности может служить покуда истощение Южных штатов. Водворится ли согласие в союзе, без чего союз не союз? Едва ли Североамериканские Штаты выносят из этой борьбы иные принципы политической организации. Им необходимы будут все атрибуты больших государств; они почувствовали в себе инстинкт политической силы, узнали вкус в употреблении силы. Основной принцип союза разрушен. Явится ли новое громадное государство в республиканской форме – мы не знаем. Но если оно явится, то будет чудовищнее, чем какое бы то ни было государство, ибо здесь государством будет весь народ, весь народ наденет багряницу и возьмет меч в руки. Понятно, что Англия тревожится; уже слышатся издали раскаты грома, предвещающие новую грозу: войну между Англией и Америкой. Но этот новый исполин-государство бездушен, – и, основанный на одних материальных основах, погибнет под ударами материализма. Америка держится еще именно тем, что в народностях, ее составляющих, еще живы предания их метрополий, нравственные и религиозные. Когда эти предания исчезнут, сформируется действительно американская народность и составит Американское государство, без веры, без нравственных начал и идеалов, оно или падет от разнузданности личного эгоизма и безверия единиц, или сплотится в страшную деспотию Нового Света... Впрочем, кто знает, какие новые неожиданности готовит нам история и человеческая природа!..

1865

Валерий Брюсов. Новая эпоха во всемирной истории

По поводу балканской войны

Балканская война как война союзников с турками, несомненно, закончена. Каковы бы ни были окончательные ее результаты, явно, что господству турок в Европе пришел конец. У них, по-видимому, еще останется небольшая территория на Балканском полуострове, сохраненная им соперничеством держав между собою. Но значение Турции как европейской державы отныне может считаться уничтоженным.

Политики могут с своей точки зрения оценивать причины и поводы заканчивающейся войны. Для историка – она только новый этап многовековой борьбы европейцев с турками и монголами. Или даже более того: только новый пример той борьбы рас и культур, которую история наблюдает на протяжении десятка тысячелетий. С этой, исторической точки зрения мы и хотим взглянуть на балканскую войну.

1

В течение долгих тысячелетий на земле было несколько совершенно обособленных очагов культурной жизни, развивавшихся вполне самостоятельно. Даже оставляя в стороне «Древний Восток», мы видим это и в истории собственно Европы. Мы знаем обособленную жизнь древне-греческого мира, который считал, что он окружен океаном «варварства», знаем длившуюся более столетия борьбу Лаконии с соседней Мессенией, тридцатилетнюю войну афинского союза со спартанским, жестокую борьбу Фив с Афинами, бесконечное соперничество маленьких эллинских городов-государств. Позднее, когда Эллада была вовлечена в сферу, так сказать, мировой истории, когда горизонт ее политических деятелей включил в себя Персию, Египет, южную Италию, все еще чуждой ей оставалась «возрастающая мощь» молодого Рима, а тем более судьбы кельтских племен в Галлии или распри жителей отдаленной Британии. Даже для всемирной империи римлян круг мира, *orbis terrarum*, был весьма ограничен. Борьба с парфянами и их преемниками новоперсами, договоры с царством аксумитов²⁵, неудачные походы в глубь северной Африки да торговые сношения с Индией и Китаем – вот весь мировой кругозор римлянина времен империи. Хотя Рим и отсылал свое золото, и в громадном количестве, на Дальний Восток в обмен на шелк, пряности и ароматы, но, в сущности, Индия и Китай жили совершенно обособленной жизнью, не испытывая никакого влияния римской культуры. Еще обособленнее развивалась, как бы не существовавшая для римского мира, Америка, где медленно совершалось возрастание империи перуанцев и майев, позднее сокрушенных ацтеками. Точно так же обособленной жизнью жили народы южной Африки и Океании.

Эпоха средневековья только увеличила эту разобщенность народов. Опять начались войны не только между отдельными племенами, но между отдельными городами и даже отдельными рыцарскими замками. Германия, Франция, Италия стали только географическими названиями: внутри страны каждая область жила самостоятельной жизнью и враждовала с соседней. Дальний Восток был совершенно потерян из виду, и цивилизация на берегах Желтой реки продолжала идти своими самобытными путями. Мы знаем, что так продолжалось до самой эпохи Возрождения. Лишь к концу XV века обозначилось в Европе несколько замкнутых государств, объединивших в себе целые народности.

Эпоха великих открытий вновь показала европейцам, как обширен мир. Испанские, португальские и голландские корабли достигли берегов Нового Света, обогнули мыс Доброй Надежды, поплыли основывать колонии на Цейлоне и Малабаре²⁶, появились близ устьев Янцеканга²⁷. Походы конквистадоров на время связали Европу с Америкой. Но скоро все эти связи как бы оборвались. Европейцы получали товары из этих своих ост-индских и вестиндских колоний, посылали туда своих губернаторов, но Европа, Азия и Америка продолжали развиваться самостоятельно. Америка, понемногу свергнув европейское владычество, зажила своей собственной, нам мало известной и мало понятной жизнью. Еще в течение всего XIX века отдельные очаги культуры продолжали оставаться разобщенными. Европа жила одними своими местными интересами, оглядываясь на другие части света лишь постольку, поскольку

²⁵ Аксумское царство – древнеэфиопское государство, существовавшее с I века по X век на территории современных Эфиопии, Эритреи, Судана, Йемена и южной части Саудовской Аравии. Столицей был город Аксум. Аксумское царство, вероятно, было основано в начале I-го века как преемник царства Дмт существовавшего ранее на том месте. Доаксумская культура развивалась частично под влиянием Южной Аравии, это видно по использованию аксумитами древней южноаравийской письменности и практики древней семитской религии. Однако письменность языка гезз вошла в обиход к IV веку, и поскольку государство стало крупной державой на торговом пути между Римом и Индией, оно вошло в греко-римскую культурную сферу и начало использовать греческий язык.

²⁶ Историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты. Иногда название Малабар применяют ко всему юго-западному побережью Индостана, которое называется Малабарский берег.

²⁷ Устаревшее название реки Янцзы.

это касалось ее. Европейцы XIX века, словно древние эллины, считали себя окруженными океаном варварства и только одну свою европейскую культуру истинной культурой.

Неудивительно поэтому, что весь XIX век наполнен соперничеством и войнами между отдельными европейскими государствами. Несмотря на всю общность и сходство культуры, французы при Наполеоне воевали со всеми соседями – с итальянцами, с немцами, с испанцами, с англичанами. Вражда племен кончилась, и нелепым казалось бургундцам идти походом на парижан²⁸, но не было ничего странного, что французы истребляют австрийцев. В конце века мы видим войну Австрии с Пруссией и еще более страшную франко-прусскую войну, когда немцы не останавливались перед тем, чтобы осыпать снарядами осажденный Париж, разрушая вековые сокровищницы общеевропейской науки и искусств. После этой войны вооруженный мир еще тридцать лет держал всю Европу под угрозой нового кровавого столкновения европейских народов, одинаково возросших на черноземе, удобренном развалинами Римской империи.

Однако уже в XIX веке замечается и поворот в другую сторону. Народы Европы, хотя смутно, начинают чувствовать свою солидарность, общность единой для всех них культуры. Первой ласточкой новой эры можно признать еще священный союз, образованный Александром I. Формально союз этот не удержался, но как бы сам собою возник «концерт держав», присвоивший себе право вершить судьбы европейских народов. В какие бы отрицательные формы он порою ни отливался, как бы ни искажался стремлением отдельных государств вести самостоятельную политику, – значение «концерта» и его влияние на европейскую историю последних десятилетий несомненно. Образование тройственного союза, а затем двойственного соглашения, перешедшего вскоре в соглашение тройственное, подтвердило стремление отдельных государств к действиям совместным и согласованным. Повторился в большем масштабе тот же процесс, который заставлял отдельные греческие города собираться постепенно вокруг союзов ахейского и пелопонесского. Параллельно этому в Америке была возобновлена доктрина Монро, открыто провозгласившего принцип «Америка для американцев», и великая северная республика приняла на себя защиту всех американских государств от европейских посягательств.

Такие явления недавнего прошлого, как три раза производившийся дележ Африки между европейскими государствами, совместный поход европейских отрядов на Пекин, учреждение гаагского суда, не говоря уже о почтовом союзе, о Женевской конференции, о литературных конвенциях, показывают, что солидарность между европейскими государствами упрочивается. В то же время такие войны как испано-американская, которая велась на двух океанах, как война с бурами, разыгравшаяся в южной Африке, как наша война с Японией, театром которой служили поля Манчжурии, намекают, что эпоха европейских войн кончилась, что наступает новая эпоха борьбы между материками и расами. Еще четверть века назад европейские газеты довольствовались телеграммами из одних европейских центров. В наши дни нам уже необходимо знать, что вчера случилось в Нью-Йорке и в Пекине, каков урожай в Австралии и южной Африке. Есть известная и еще недавно очень ценившаяся книга Ф. Шлоссера «История XVIII столетия». Несмотря на свое универсальное заглавие, она говорит исключительно о Европе. «История XIX столетия» будет явно неполной, а «История XX столетия» прямо невозможной, если в нее не будут включены события других частей света.

²⁸ В. Брюсов в данном случае противопоставляет восточногерманское племя бургундов, враждовавших в IV–VI веках с западногерманским племенем франков и жителей исторических областей Бургундия и Иль-де-Франс. Хотя во время Столетней войны Бургундия до последнего ее этапа была союзником Англии.

2

Что произвело такой переворот? Можно с уверенностью сказать, что главным фактором было усовершенствование путей сообщения. XIX век и XX век победили пространство. Железные дороги, транс-океанские стимеры, телеграфы, телефоны, автомобили и, наконец, аэропланы связали между собою страны и народы. То, что прежде было разделено многими днями или даже неделями пути, теперь приблизилось на расстояние одной или двух ночей переезда или по телеграфу на расстояние нескольких минут. Для чего прежде надо было предпринимать длинное и трудное путешествие, теперь составляет приятную забаву скучающего туриста. Титаники, более счастливые, чем их собрат, переплывают Атлантический океан в пять-шесть дней. Фантастическое путешествие героя Жюль Верна «вокруг света в восемьдесят дней» давно стало анахронизмом: действительность перегнала Филеаса Фогга. Из Лиссабона теперь можно ехать на берега Великого океана, не покидая железнодорожного вагона.

Одновременно с этим довершилось завоевание земли. Человек овладел, наконец, своей планетой. Еще на атласах недавнего прошлого встречались слова: «terra incognita» или «внутренность Африки совершенно не исследована». Теперь таких мест на земном шаре не осталось. Еще есть кое-где на земле (и то скорее в Азии, чем в Африке) местности, если не неведомые, то мало исследованные; еще довольно осталось работы географам и путешественникам; но в общем мы узнали планету доставшуюся нам в удел. Авторам фантастических романов, вроде Райдера Хаггарда, которые так недавно посылали охотно своих героев в центральную Африку, где, по их мнению, могли совершаться всякие чудеса, больше не найти на земле подходящего места действия. Таким романистам придется теперь переносить приключения своих героев, подобно Уэллсу, на другие планеты или, подобно Морису Ренару, в завоздушные сферы. Мы убедились, что на земле для их чудес места нет.

Истоки Нила открыты и обследованы. Стальные рельсы подошли к водопаду Мозиоатунья²⁹. В глуши Анголы, где происходило действие «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна, есть бельгийские отели, первоклассные и второклассные. Новая железная дорога должна пересечь всю Африку с севера на юг. Такие же стальные иглы вонзились и в Малую Азию до самого Дамаска и Алеппо, и в пустыни Китая, и в американские льяносы. Английская вооруженная миссия вступила в мифическую Лхассу³⁰. Даже на оба полюса ступила человеческая нога, и на крайних точках, где сходятся все меридианы, водружены были знамена – знак торжества человека над его землей. Уже не обширным, а скорее малым кажется нам теперь наш мир. Мы готовы повторить восклицание Колумба, который достигнув берегов Америки, думал, что попал на восточные окраины Азии: «Il mondo poco!» – «Мир мал».

Сцена всемирной истории расширилась до пределов всей земли. Обособленные центры культуры соприкоснулись. Сибирская магистраль связала Европу с Дальним Востоком. Быстроходные пароходы сделали одно из Европы и Америки. Вся земля спаялась в единое целое. Стало невозможным жить обособленною жизнью. События, совершающиеся на одном конце земли, невольно стали отражаться на другом. Товарообмен захватил все пять материков. Неурожай в России стал отражаться на торговле Австралии. Для германской промышленности стало важным состояние рынков в Китае и на Занзибаре.

Изменилась сцена, изменились и актеры. На безмерно разросшихся подмостках всемирной истории вместо карликов выступили великаны. Как прежде борьбу отдельных городов и племен сменила борьба народов, так на смену ей выступает соперничество союзов государств, целых рас и особых культур. Америка готова состязаться с Европой за мировые рынки. Жел-

²⁹ Аутентичное название водопада Виктория.

³⁰ Городской округ в Тибетском автономном округе КНР, бывшая столица независимого Тибетского государства.

тые хотят отстаивать самобытность своей культуры и свою политическую самостоятельность от натиска европейцев. Ислам должен почувствовать, что пришла вторая пора борьбы креста с полумесяцем.

3

Гордая своими успехами, открытиями, изобретениями, завоеваниями, Европа давно употребляет слова «культура», «цивилизация» – в смысле европейская культура, европейская цивилизация. Европейцы словно забыли, что существовали другие культуры, другие цивилизации, ставившие себе иные задачи, оживленные иным духом, отличавшиеся иными внешними формами, в которые отливало их содержание: культуры эгейская, ассиро-вавилонская, египетская, греко-римская, византийская, майев, инков, ацтеков. Что такое культура? Это – сознательное отношение к жизни, к миру, к своему историческому прошлому; это – народное мировоззрение, выразившееся в быте. Отдельных культур может быть бесконечное множество, и не может быть единственно-истинной, единственно-подлинной, какой-то настоящей культуры. Разве самый дух, например, Ассиро-Вавилонии не был иным, чем дух ново-христианской Европы? Между тем бесспорно существовала особая ассиро-вавилонская культура, оказавшая огромное влияние на всю древность и даже на нашу современную культуру. Разве теперь культура Европы и Дальнего Востока не противоположны друг другу по самой своей сущности?

История наблюдает смену и гибель различных культур, восстававших на земле в сиянии знания, религиозно-философского мышления, художественного творчества и, после ряда столетий возрастания, блеска, торжества и влияния, исчезающих навсегда. Какие же причины заставляют думать, что европейская культура окажется долговечнее всех прочих, – бессмертной? Культура христианской Европы моложе двух тысячелетий, тогда как египетская пережила свое четвертое тысячелетие (а может быть, и дольше) и все же, наконец, погибла. Конечно, мы остались победителями на большей части земного шара, но и ассирийцы торжествовали в свое время на большей части известного им мира и были сокрушены не какими-либо неведомыми племенами, а хорошо им известными и много раз ими побежденными мидо-персами³¹. Еще мы верим, что нам вручена религиозная истина; но религиозная истина была вверена и древним евреям, сохранившим лишь жалкие обломки своей культуры; византийская культура, не уцелевшая от падения, также была культурой христианского народа. В нашем сознании не укладывается мысль о гибели современной Европы и ее культуры. Поучительно в этом отношении вспомнить пример римского поэта, который также не в силах был вообразить, что когда-нибудь перестанет существовать вечный Рим. Воздвигая себе памятник *aere perennius*³², Гораций сулил ему существование *dum Capitolium scandet cum tacita virgine pontifex*, т. е.

...пока в Капитолии

Ходит с безмолвною девою верховный жрец.

Скромный друг Мецената, вероятно, не без колебания написал эти притязательные слова. Он не предвидел, что срок окажется слишком коротким, что стихи Горация переживут богов Капитолия.

Подступив к древним историческим народам Дальнего Востока, Европа вообразила, что ее миссия – просвещать их. Между тем, Китай и Япония почитали себя в таком же праве цивилизовать Европу. Название «варваров», которое китайцы, подобно эллинам, дают всем иностранцам, не пустое слово. Народам Востока условия жизни европейского Запада

³¹ Древнее восточное государство, а также древняя этногеографическая область на западе Ирана, от р. Аракс и гор Эльбурс на севере до границ Персиды на юге и от гор Загроса на западе до пустыни Деште-Кевир на востоке, населенные ираноязычными племенами. Мидийское царство существовало в 670 до н. э. – 550 до н. э. и в годы своего расцвета было гораздо шире границ этнической Мидии, которая в значительной части расположена была на территории районов современного Азербайджана и Иранского Курдистана.

³² Вековечной меди (латынь)

кажутся именно «варварскими», чуждыми просвещения. Бесспорно, что за последнее время и японцы, и китайцы многое заимствовали у европейцев: парламентаризм, военный строй, костюм, пушки, броненосцы, аэропланы. Но изменилась ли от этого самая культура Китая и Японии? Эти внешние позаимствования можно сравнить с принятым у нас халдейским счетом 60 минут в часе, с халдейской же неделей в 7 дней, с индийскими (ошибочно называемыми арабскими) цифрами. Никто не считает по этому поводу, что европейцы заимствовали свою культуру у индусов и халдеев.

Как только, благодаря совершенству путей сообщения, мир Дальнего Востока тесно соприкоснулся с миром американо-европейским, стало несомненно, что мирное сожительство их невозможно. Между ними мыслимо лишь одно отношение: открытая война или скрытое соперничество. В открытой войне первоначально имели успех европейцы, которые в течение долгих столетий чуть не все силы своего ума устремляли на изобретение орудий разрушения и истребления и в искусстве военном достигли большого совершенства. Но в экономическом соперничестве с самого начала верх оставался за желтолицыми. Америка и Австралия должны были начать длящуюся до сих пор борьбу с нашествием китайских рабочих и японских промышленников. Японские изделия стали вновь отбивать только что занятые европейцами рынки. Наконец, война японо-китайская и русско-японская показали, что и в военном деле Дальний Восток быстро сравнялся с Европой. Теперь эти два мира стоят друг перед другом, и лишь второстепенные причины не дают воочию узнать, что наша последняя война была первой Пунической³³, первой войной нового Востока со старым Западом.

Улица Стамбула и мечеть Нуросмание, Турция, 1890-1900 годы

³³ Пунические войны – три войны между Римской республикой и Карфагеном, продолжавшиеся с перерывами в 264–146 годах до н. э. В войнах победил Рим и тем самым укрепил свое положение в Западном Средиземноморье. Карфаген был уничтожен. Брюсов противопоставляет Карфаген, созданный финикийцами, древним семитским народом, и Рим, образованный в результате союза народов италийской группы.

4

Эллин был гражданином своего города и часто смертельным врагом соседнего. Рим выработал новое понятие – *civis Romanus*³⁴ – гражданин всего культурного мира. Это понятие, которое, благодаря связующей силе католицизма, смутно теплилось в сознании даже раздробленной, феодальной Европы, но которое почти угасло в период реформации, стало вновь возрождаться уже в век Просвещения. В наши дни оно приобретает новый смысл: гражданин культурной Европы, европеец. Против своей воли, стихийно, все народы, приобщенные к европейской культуре, пред лицом народов иной культуры начинают сознавать свое единство. Что ни говорить, мы очень далеки от тех времен, когда возможна была тридцатилетняя война между афинянами и спартанцами, причем, в ожесточении борьбы, победители отрубали правую руку у взятого в плен! Еще недавно жители Венеции с гордостью говорили: «Мы – не итальянцы, мы – венецианцы». Теперь они это повторяют только в шутку. Даже французские мечты о реванше все более и более делаются достоянием юмористических журналов. Нам, среди наших религиозных споров и религиозного безразличия, единство христианских вероисповеданий кажется фикцией. Но японцы, после Тюренченского боя³⁵ поручившие похоронить тела русских православных солдат протестантскому пастору, сами того не желая, обнаружили свой взгляд на христианскую Европу как на одно целое.

Переезжая через границу своей родной страны, европеец в Европе везде встречает приблизительно те же привычные ему условия жизни. Входя в первоклассный отель, можно позабыть, в какой стране находишься, – в Германии, в Италии, в Алжире или в Египте. Европейская литература постепенно становится международной, и каждое новое, чем-нибудь выдающееся произведение быстро становится достоянием читателей всех европейских стран (и европейских колоний). В России, в Германии, в Англии с одинаковым нетерпением ждут новой книги Анатоля Франса, Метерлинка, д'Аннунцио или хотя бы только Джека Лондона. Мы уже знаем писателей, которые имеют гораздо больший успех за границей, чем у себя дома. В победе газетного листа, завоевавшего последний век столь же решительно, как в XVII веке завоевал Западную Европу табак, есть и своя положительная сторона: газета ежедневно роднит нас со всем миром. Ежедневно в Париже, в Петербурге, в Вене, в Чикаго читатели за своим утренним кофе прочитывают приблизительно одни и те же вести.

Но параллельно этому объединению европейцев идет за последние годы и объединение народов иных культур. Многовековая дремота Дальнего Востока была разбужена громом скорострельных пушек. Очнувшись от своего сна, китайцы и японцы увидели свои гавани в руках «белолицых дьяволов», свою торговлю – захваченной европейскими купцами, которые к тому же непременно хотели навязать покупателям вместе со стальными изделиями и мануфактурами также свою религию. Оправившись несколько от первого потрясения, желтолицые решили дать насильникам отпор. «Азия для азиатов», – этот лозунг был провозглашен на нашей памяти. Гул японских побед пронесся далеко по Азии, всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах Ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом. Первая, в новое время, открытая победа не-европейцев над европейцами, быть может, самое замечательное событие последних веков. Прискорбно, что многие могли не сознавать этого, что в Германии или Англии радовались поражениям русских, подобно тому как византийцы радовались когда-то победам турок над славянами.

³⁴ Гражданин Рима (латынь).

³⁵ Сражение на пограничной реке Ялу у города Цюляньчэн между русскими и японскими войсками, состоявшееся 1 мая 1904 года. Первое значительное сражение русско-японской войны.

История сохранила нам примеры борьбы между расами. Тогда как самые ожесточенные войны между родственными народами нередко разрешались в тесную дружбу (Россия и Франция, Пруссия и Австрия, Китай и Япония, Сербия и Болгария), борьба рас всегда вела к истреблению или порабощению одной из них. Взятие Вавилона Киром, разрушение Тира Александром и Карфагена римлянами – только разрозненные главы из истории борьбы арийцев с семитами. Борьба кончилась политической смертью семитов... В свое время борьба арийцев с монголами доходила до такой ожесточенности, какой никогда не знали войны европейцев между собой. Завоевав Америку и Австралию, европейцы истребили их население; завоевав Африку, – обратили туземцев в рабов. Классическая страна равенства, Соединенные Штаты Северной Америки, до сих пор не хочет предоставить в общежитии равные права чернокожим. Англичане в своих восточных владениях никогда не садятся за один стол с туземцами. Племенную и расовую ненависть не могут победить никакие доводы рассудка.

Что же удивительного, что желтые и черные, вообще цветные, платят белым тою же монетой. Выражение «желтая опасность» успело опошлиться и принять комический оттенок. Но не случайно против нее предостерегали одновременно и прозорливцы, как Вл. Соловьев, и просто сметливые люди, как император Вильгельм. В нашей японской войне хотели видеть результат каких-то темных «авантюр», забывая, что воля отдельных лиц и целых поколений ничтожна перед теми силами, которые управляют судьбами народов и государств. Последнюю балканскую войну многие также считают маленьким, «местным» делом. Это взгляд тоже легкомысленный. Эти две войны знаменуют собой начала «новой эпохи во всемирной истории». Будущему предстоит видеть вместо отходящих в прошлое войн между народами столкновения рас, культур, миров.

5

Grattez un europeen et vous trouverez un croise – поскоблите европейца и вы найдете крестоносца, говорят турки, переделывая известную поговорку о русском и татарине. Как ни далеки мы от идеи крестовых походов, угасших пять веков тому назад, но современность оправдала горькие слова турок. Борьбу креста с полумесяцем на наших глазах объявил один из христианских государей. После 400-летней совместной жизни турки все же не вошли органически в состав Европы, остались в ней инородным телом. В то время как их сородичи, перенявшие христианство и европейскую культуру финны и венгры, стали равноправными членами европейской семьи народов, – оставшиеся верными исламу и своей народной культуре турки продолжают быть в Европе пришлецами. «Турки – не европейцы», таков бессознательный взгляд всех истинных граждан Европы, определенно выразившийся во время последней войны. И напрасно младотурки говорят на изысканном французском языке, напрасно они уморили голодом константинопольских собак, напрасно мечтали открыть в Стамбуле университет со всеми факультетами, напрасно совсем по-европейски устраивают дворцовые перевороты и свергают премьеров, – Европа не хочет признать их за своих. «Травой забвения» поросло поле при Азинкуре, забыты Аустерлиц и Тильзит, стирается память о недавнем Седане³⁶, но Европа чудесным образом все еще помнит Варну и Косово поле³⁷.

«Европа для европейцев» – бессознательно этот лозунг вспомнился всем, едва четыре балканских государства начали свой крестовый поход против турок. Забыв выставленный принцип status quo, дипломаты одно время серьезно обсуждали вопрос о полном изгнании турок из Европы. Между тем во время франко-прусской войны вряд ли кому-нибудь могла придти в голову мысль – стереть всю Францию с карты Европы. Турки, в глазах европейцев, остались завоевателями чужой земли, на которую в сущности не имеют права, хотя совершенно такие же завоеватели, в иных областях, – и Германия, и Австрия, и Россия. Общественное мнение Европы, за исключением отдельных голосов, было всецело против турок. Если сравнить помощь, посылавшуюся отовсюду красному кресту, с помощью, оказанной европейцами красному полумесяцу, окажется, что второй почти не было. И достаточно было болгарской армии подступить к Чаталджинским укреплениям, чтобы снова воскресли древние, четырехвековые легенды³⁸. Многие, кажется, готовы были поверить, что едва болгары войдут в Константинополь и вступят в святую Софию, как раздвинутся стены храма и выйдет вновь священник-византиец, чтобы окончить чтение евангелия, прерванное четыре столетия тому назад при Константине Палеологе.

Константинополь, по-видимому, остается в руках турок. Но нет сомнения, что через несколько десятилетий, если не произойдет событий непредвиденных, он будет вновь обложен христианским воинством. Балканская война – лишь очередная глава в истории изгнания турок из Европы. Эта история началась осадой Вены, продолжалась походами русских на крымских данников Турции, победами Суворова и Румянцева, освободительной войной 1879 года. Мы присутствовали при одной из последних глав этой истории. Турки обречены на изгнание, подобно тому как мавры были обречены на изгнание из Испании. Сбываются мечты Потемкина, и близко исполнение пророчества поэта:

³⁶ В. Брюсов перечисляет важнейшие сражения Столетней войны, Наполеоновских войн и Франко-прусской войны 1870–1871 года.

³⁷ Знаковые битвы европейских армий с армией Османской империи в XIV–XV веках.

³⁸ Сражение между болгарскими и турецкими войсками с 17 ноября по 19 ноября 1912 года в ходе Первой Балканской войны. После разгрома в Восточной Фракии турецкие войска заняли оборону вдоль Чаталджинской укрепленной линии, в 45 км от Константинополя; в Черном и Мраморном морях у обоих концов линии находились турецкие суда.

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенит Христов алтарь.

6

Война славян с турками – не простая распря двух народов. Опять, как в нашу войну с Японией, здесь столкнулись две культуры, две расы, два мира. Опять гул побед разносится далеко, веселя родственных славянам европейцев и вселяя уныние в мир ислама. Поражение турок живо чувствуют и в Персии (несмотря на всю враждебность персов к туркам), и в Египте, жаждавшем помочь единоверцам, и во всей северной Африке. Несчастья сближают, и раздробленный мир ислама опять начинает чувствовать себя единым. Падение Адрианополя, Янины, Скутари³⁹ не забудется, как не забывалось Косово поле. Едва оправившись от понесенных поражений, ислам начнет мечтать о реванше, и эта мечта будет у него устойчивей, нежели у французов.

Давно прошло то время, когда о Востоке (ближнем) можно было говорить

Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя.

Революция в Персии, революция в Турции, движение в Марокко, сопротивление, оказанное арабскими племенами итальянцам в Триполитании, – все это показывает, что ислам проснулся. Он еще не вполне пришел в себя, еще не высвободился из-под тяжелой пяты европейцев, но уже собирает силы. Единство священного Корана, общность алфавита, общность главных преданий, общность великих писателей прошлого объединяют его. Придет час, когда ислам встанет на защиту своей религии и своей культуры, на борьбу с христианской Европой, притязающей быть самодержцем на земном шаре. Можно ли предугадать, какие неожиданные силы найдет в себе ислам, если мы не сумели предугадать сил обновленной Японии?

Панмонголизм и панисламизм – вот две вполне реальные силы, с которыми Европе скоро придется считаться. Третья такая сила должна зародиться в черной Африке. Европейцы совершенно напрасно думают, что Африка – страна, которую можно безнаказанно грабить целые века и население которой в XX веке можно держать в положении рабов, как то делают бельгийцы в своем Конго. Мы скоро услышим еще один лозунг: «Африка для черных!». Народы Дальнего Востока с их чуждой, непонятной нам культурой, мир ислама, объединенный общей верой, и мир черных – вот три ближайших угрозы европейской культуре. Гибельно будет, если грядущее столкновение с ними застанет европейцев занятыми, подобно русским князьям, своими «удельными» распрями.

Быть может, история еще впишет в свои скрижали одну или две войны европейских народов между собой. Но то будут уже последние войны народов. Европе предстоит сплотиться перед лицом общих врагов всей европейской культуры. Важно ли, кому будет принадлежать клочок земли, вроде Эльзаса-Лотарингии, Шлезвига-Голштинии, Скутари, когда под угрозой окажется все, добытое двумя или даже тремя тысячелетиями культурной жизни. В опасности окажутся наши лучшие достояния, и Шекспир, и Рафаэль, и Платон, которых захотят заменить стихами Саади, картинами Утамаро⁴⁰, мудростью Конфуция. В опасности окажется весь строй нашей жизни, весь ее дух, а перед такой угрозой все европейцы не могут не почувствовать себя гражданами единой страны, детьми единой семьи.

³⁹ Старое название города Шкодер. Ныне находится на территории Албании, основанный иллирийцами, был захвачен римлянами, потом вошел в состав Византии и после ее падения попал под власть Османской империи.

⁴⁰ Китагава Утамаро (1753–1806) – японский художник, во многом определивший черты японской классической гравюры периода ее расцвета в конце XVIII в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.